

Томас Даттон

Тутаевский восьмигранник

18+

Томас Даттон

Тутаевский восьмигранник

«Автор»

2026

Даттон Т. Д.

Тутаевский восьмигранник / Т. Д. Даттон — «Автор», 2026

Егор Кожемятин, восемнадцатилетний студент Тутаевского политеха, умеет чинить всё: карбюратор, «Ниву» егеря, даже старый бабушкин телевизор. Всё, кроме собственной жизни. Мать уехала в Ярославль, отец молчит в гараже, младшая сестра говорит больше, чем все взрослые вместе взятые. А тут ещё сентябрь подкидывает три задачи, которые не решишь трещоткой. Ксюша — соседка и подруга детства, которая вдруг перестала быть «своим парнем» и что-то скрывает. Алина — приезжая из большого города, которая вертит в руках его паркер и смотрит так, будто уже составила о нём мнение. Даша — библиотекарь, которая видит его насквозь и молчит об этом. Три девушки, три дороги, один гараж и целый город, где все всё знают, но никто не говорит прямо. «Тутаевский восьмигранник» — это роман о любви как о механизме: пока не разберёшь до винтика, не поймёшь, как работает. И о том, что иногда самые важные вещи не чинятся, а просто случаются.

© Даттон Т. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Томас Даттон

Тутаевский восьмигранник

Дисклеймер

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, их имена, характеры, биографии, диалоги и поступки, а также места действия, события, организации, учреждения и обстоятельства, описанные в книге, являются плодом авторской фантазии и не имеют отношения к реальным людям, живым или умершим, а также к реальным организациям, географическим объектам или событиям. Любые совпадения — имён, названий, деталей, ситуаций — являются случайными и непреднамеренными.

Автор не утверждает и не гарантирует точность, полноту или достоверность любой информации, упомянутой в тексте, включая описания профессий, учебных заведений, технических процессов, бытовых реалий или социальных отношений. Восприятие текста читателем субъективно, и автор не несёт ответственности за любые интерпретации, выводы, эмоциональные реакции или действия, предпринятые на основании прочитанного.

Мнения и высказывания персонажей не обязательно совпадают с мнением автора и не должны восприниматься как руководство к действию, совет или рекомендация. Книга создана исключительно в развлекательных целях и не преследует цели оскорбить, оклеветать, ввести в заблуждение или причинить вред кому-либо.

Автор не несёт ответственности за возможные последствия, связанные с использованием или упоминанием в тексте каких-либо реальных торговых марок, брендов, продуктов или услуг. Все упоминания носят иллюстративный характер и не являются рекламой или антирекламой.

Если читатель узнал себя или кого-то из знакомых в персонажах или ситуациях, это следует считать случайным совпадением, а не намеренной отсылкой. Автор не ставил целью изобразить конкретных лиц или реальные события.

Читая эту книгу, вы соглашаетесь с тем, что воспринимаете её как художественное произведение и не предъявляете автору претензий, связанных с содержанием, трактовкой или возможным сходством с реальностью.

Глава 1

Тутаев в сентябре пахнет мокрым асфальтом, рекой и бензином. Особенно если ты стоишь в гараже отца в шесть утра, без футболки, потому что жарко, и пытаешься открутить прикипевший болт на «Ниве» местного егеря.

Егор Кожемятин, восемнадцать лет, третий курс политеха, вытер руки о ветошь и посмотрел на отца. Сергей Николаевич, невысокий, с седыми висками и вечным запахом машинного масла, сидел на корточках рядом и молчал. Это было их главное утреннее общение — молчание, прерываемое лязгом инструментов.

— Прикипел, — сказал Егор.

— Прикипел, — согласился отец. — Обработай ещё раз, и не дёргай. Ты всегда дёргаешь.

Егор не стал спорить. Он всегда дёргает. И в гараже, и в жизни. Мать уехала в Ярославль, когда ему было четырнадцать, и с тех пор он дёргал всё, что можно было дёрнуть: двери, отношения, слова. Иногда получалось. Чаще — нет.

Отец ушёл за фильтрами. Егор остался один. Он снял футболку — она уже была мокрая от пота — и бросил на верстак. Утро выдалось душным, солнце било в открытые ворота гаража, и в его свете кружилась пыль. Егор взял трещотку, наклонился над двигателем. Мышцы на спине перекатились, когда он потянул рукоять. Он не думал о том, как выглядит. Он думал о болте.

А в это время через дорогу, на втором этаже, Ксюша Морозова стояла у окна с чашкой чая и смотрела.

Она не планировала смотреть. Просто вышла на кухню, а окно выходит прямо на гараж Кожемятиных. И там, в проёме ворот, в утреннем свете, Егор тянул что-то железное, и его плечи двигались, и по спине блестела испарина. Ксюша сделала глоток. Чай был горячий. Она не отвела взгляд.

— Дурак, — сказала она тихо. — Надел бы футболку.

Но не ушла. Стояла, пока он не выпрямился, не потянулся за ветошью и не начал вытирать руки. Тогда Ксюша резко опустила штору и поставила чашку в раковину. Сердце стучало чуть быстрее, чем нужно. Она злилась. На него. На себя. На то, что он смотрит на неё как на соседку, а она смотрит на него как на... не соседа.

Егор тем временем закончил с «Нивой», накинул футболку и вышел покурить на крыльцо. Сигарету он взял у отца — не потому что хотел, а потому что руки надо было чем-то занять. Со стороны улицы послышался звук шагов. Он поднял глаза.

Девушка шла мимо. Высокая, тёмные волосы забраны в хвост, в руках — телефон, по которому она что-то печатала, не глядя под ноги. Она остановилась у ворот гаража, посмотрела на вывеску «Кожемятин и сын», потом на Егора.

— Извините, — сказала она. — Вы не подскажете, где здесь автосервис? Отец сказал, на выезде из города, но я, кажется, уже дважды проехала мимо.

Егор выпустил дым.

— Это я и есть. Автосервис. — Он кивнул на гараж. — Только мы не на выезде. Мы в центре. Вы, наверное, про новый сервис на Ростовской? Это дальше, за поворотом.

Девушка вздохнула так, будто он только что подтвердил все её худшие ожидания о Тутаеве.

— Спасибо. — Она уже развернулась, но потом обернулась. — А вы... вы здесь работаете?

— Учусь. И работаю. Третий курс политеха.

— А. — Она оглядела его сверху вниз: футболка в масляных пятнах, руки в мазуте, на плече — след от ветоши. — Понятно.

— Что понятно?

— Ничего. Просто... — Она улыбнулась, и улыбка была не злая, а скорее усталая. — Я Алина. Соколова. Мы, кажется, теперь соседи. Отец купил тот самый сервис на Ростовской.

Егор стряхнул пепел.

— Егор. Кожемятин.

— Знаю. — Она кивнула на вывеску. — Прочитала.

И ушла. Он смотрел ей вслед, и в нём что-то дёрнулось. Опять. То же самое, что утром, когда Ксюша махала ему рукой с крыльца. Только теперь это было острее, потому что Алина даже не пыталась быть милой. Она просто была.

В техникум он шёл пешком. На крыльце уже стоял Саня Кулагин, лучший друг, будущий сварщик и главный поставщик бесполезных советов.

— Кожемятин! Ты слышал? У нас новенькая. В группе экономистов. Приезжая. Из Москвы!

— Из Москвы? — Егор поднялся по ступенькам. — Она сказала, что из Москвы?

— Ну, откуда-то оттуда. — Саня махнул рукой. — Какая разница. Главное, она видела тебя без футболки.

Егор остановился.

— Что?

— Ксюша сказала. — Саня хитро прищурился. — Она видела, как ты в гараже железки тягал. Говорит, ты был... — он сделал паузу, — ...впечатляющий.

Егор почувствовал, как уши горят. Ксюша. Наблюдала. И сказала об этом Сане. Значит, это уже не секрет.

— Передай Ксюше, что она могла бы просто поздороваться, — буркнул он.

— Ага. Или ты мог бы надеть футболку. — Саня захохотал.

На перемене Егор увидел Алину. Она стояла у расписания, вертела в руках чужой «паркер». Его «паркер». Он подошёл.

— Это не твой.

Она подняла глаза. Узнала его. И — что было странно — не смутилась.

— Я знаю. Я думала, это ничьё. В Тутаеве всё кажется ничьим.

— В Тутаеве всё чьё-то. — Он забрал ручку. — Особенно то, что плохо лежит.

Алина посмотрела на него внимательнее. Так, будто увидела что-то новое — не просто парня в масляной футболке, а кого-то, кто может ответить.

— Ты всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Прямой.

— Я механик. Мне положено.

Она засмеялась. Коротко, но искренне.

— Ладно, механик. Пока.

Она ушла. А Егор стоял с паркером в руке и думал, что сегодняшний день дал ему три задачи. Ксюша, которая смотрела на него из окна и молчит. Алина, которая смотрит на него в упор и говорит. И Даша, которая ещё не появилась, но уже кажется самой опасной — потому что она всегда видит насквозь.

После занятий он зашёл в библиотеку. Даша Лебедева сидела за стойкой и рисовала в блокноте. Увидев его, улыбнулась.

— «Устройство автомобилей»? Четвёртое издание?

— Ты экстрасенс.

— Ты предсказуем. Это разное. — Она достала книгу. — Как дела дома?

— Нормально.

— А мама?

Егор пожал плечами. Даша не стала говорить «ты должен с ней поговорить». Просто кивнула и сказала:

— Если что, у меня есть новые книги. Про любовь. Вдруг пригодится.

— Мне?

— Всем пригодится, Егор.

Дома его ждала Лиза с альбомом.

— Егор, смотри. Это ты в гараже. — Она показала рисунок: он без футболки, с трещоткой, и рядом — фигурка в окне. — А это Ксюша. Она опять смотрела.

— С чего ты взяла?

— Я всё вижу. — Лиза вздохнула с интонацией женщины, прожившей жизнь. — Ты бы хоть раз с ней поговорил. По-настоящему. А то она смотрит-смотрит, а ты всё чинишь и чинишь.

Егор взял пирожок, сел за стол. Телефон завибрировал. Сообщение от Ксюши: *«Привет. Можешь зайти вечером? Надо поговорить. Это важно»*.

Он посмотрел на экран. Потом на рисунок Лизы. Потом на книгу про любовь, которую всё-таки взял у Даши.

— Началось, — сказал он вслух.

И пошёл в гараж. Потому что болты — это единственное, что он умел чинить без ошибок. Пока.

Глава 2

Вечером того же дня Егор сидел на крыльце гаража, смотрел на Волгу, которая в сумерках становилась серо-свинцовой, и держал в руках телефон. На экране висело сообщение Ксюши: «Привет. Можешь зайти вечером? Надо поговорить. Это важно». Отправлено два часа назад. Он до сих пор не ответил.

В голове было три двери. Он сам их выстроил, сам раскрасил, сам поставил перед собой — и теперь сидел, как дурак, и не мог выбрать, в какую постучать.

Первая дверь. Ксюша. Соседка. Друг детства. Та, с которой они делили велосипед, секреты и молчание. Она смотрела на него утром из окна — он знал это, потому что Саня уже растрезвонил. И теперь она писала «это важно», а он сидел и делал вид, что чинит карбюратор, которого перед ним не было. Если пойти к ней — значит, признать, что между ними что-то меняется. А Егор не любил перемены. Перемены — это когда мать уезжает в Ярославль и говорит: «Я буду звонить». Она звонила. Раз в месяц. Иногда реже. Перемены — это когда отец молчит громче, чем говорит. Если пойти к Ксюше — это может быть начало чего-то, что он не сможет починить, если сломается.

Вторая дверь. Гараж. Остаться здесь. Сказать себе, что Ксюша сама разберётся, что «поговорить» — это не про него, что у него курсовой проект и «Нива» егеря ещё не до конца доделана. Гараж — это безопасно. Гараж — это болты, которые либо прикипели, либо нет. Гараж — это отец, который не задаёт вопросов. Гараж — это он сам, восемнадцатилетний, с руками в мазуте и головой, набитой схемами двигателей, потому что схемы не предают. Если остаться в гараже — ничего не изменится. И это, возможно, самое страшное.

Третья дверь. Алина. Приезжая. Та, что вертела его паркер и смотрела так, будто он — задача, которую надо решить. Он мог бы написать ей. Просто спросить: «Нашла сервис?» Или: «Ты всегда берёшь чужие ручки?» Что-то такое, что выглядело бы как случайность, а на самом деле было бы... чем? Он сам не знал. Алина была новой. Новая — значит, без прошлого. Без истории про мать, которая уехала. Без соседки, которая смотрит из окна. Без библиотекарши, которая видит насквозь. С Алиной можно было начать с нуля. Но с нуля — это тоже страшно. Потому что если сломается — чинить будет нечего. Ни прошлого, ни общего велосипеда, ни бабушкиных пирожков.

Егор вздохнул. Телефон в руке завибрировал снова. Саня.

— Ты чего трубку не берёшь? — заорал Саня так, что слышно было, наверное, на том берегу Волги.

— Я не слышал.

— Ага, конечно. Ты сидишь и страдаешь. Я тебя знаю. — Саня сделал паузу. — Ксюха сказала, что написала тебе. Ты ответил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не знаю, что сказать.

— Скажи «да». Это же просто. Два слова: «Да, приду».

Егор посмотрел на Волгу. На том берегу зажигались огни — Романовская сторона, старая часть города, с церквями и купеческими домами. Тутаев делился на две части рекой, и это было единственное разделение, которое Егор понимал: левый берег, правый берег. Всё остальное было сложнее.

— Сань, а если это не просто «поговорить»?

— А если просто? — Саня не был философом, но иногда выдавал такие вещи, что Егор задумывался. — Ты же не знаешь, пока не сходишь. Или знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.